

С.И. Миропольский

**Ян Амос Коменский и его
значение в педагогике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.И. Миропольский**
Ян Амос Коменский и его значение в педагогике / С.И. Миропольский – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 124 с.

ISBN 978-5-4241-9459-7

ISBN 978-5-4241-9459-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дать совѣтъ потомству, совѣтъ, который я еще въ силахъ дать, и разъясненіемъ способа, которымъ наши учителя ввели насъ въ заблужденіе, показать путь, на которомъ можно избѣжать ошибокъ“¹⁾ Испытавъ самъ горечь воспоминаній объ утраченномъ времени, о мукахъ убивающаго жизнь схоластическаго ученія, Амосъ посвятилъ свою жизнь задачѣ—избавить другихъ отъ этой горечи, предохранить ихъ отъ позднихъ и бесполезныхъ сожалѣній. Эта задача стала его миссіонерскимъ посланничествомъ, и она-то стяжала безсмертіе Коменскому.

Не смотря на позднее развитіе, даровитость Амоса скоро выдвинула его впередъ, и хотя мы мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни, но извѣстно, что онъ учился у знаменитостей того времени въ Герборнѣ, въ Гейдельбергской академіи, путешествовалъ по Европѣ, собирая свѣдѣнія, и между прочимъ посѣтилъ Англію и Амстердамъ²⁾. О началѣ своихъ педагогическихъ трудовъ самъ Амосъ говоритъ въ предисловіи къ полному изданію своихъ дидактическихъ сочиненій. Услыхавъ (1612 г.) отъ Гиссенскихъ и Іенскихъ профессоровъ похвалы педагогическимъ трудамъ Ратиха (именно его „de Studiorum rectificanda methodo consilium), Амосъ еще въ 1614 году, тотчасъ по возвращеніи на родину, взялся за школу (въ Преровѣ), владѣя огромнымъ запасомъ разнородныхъ свѣдѣній, побуждаемый горячимъ желаніемъ усовершенить школьное дѣло. Здѣсь уже попалъ онъ на мысль о національномъ методѣ обученія и результатами этихъ работъ явилось первое педагогическое его сочиненіе: „Правила облегченной грамматики“³⁾. Сдѣлавшись затѣмъ наблюдателемъ школъ Фульнецкаго округа (1618 года), Амосъ всецѣло отдался своему дѣлу и былъ истиннымъ благодѣтелемъ всего округа, распространяя образованіе и заботясь объ улучшеніи экономическаго быта

¹⁾ Comenii opp. didactica, II, pag. 51 — 52.

²⁾ Палацій, «Жизнь Коменскаго». Ближайшею задачей Амоса было приобритеніе богословскаго образованія, въ реформатскомъ духѣ, для удовлетворенія духовныхъ потребностей братства. Извѣстно, что Коменскій былъ сперва проповѣдникомъ, а въ послѣдствіи епископомъ (послѣднимъ) Моравскихъ братьевъ и имѣлъ мощное, украшающее вліяніе на свою гонимую паству; но согласно съ нашею цѣлю, мы будемъ имѣть въ виду преимущественно его педагогическую дѣятельность. Между учителями, которыхъ Коменскій слушалъ въ Герборнѣ, извѣстенъ знаменитый тогда Альстедъ (1588—1638).

³⁾ Opp. did., «brevissima relatio», pag. 3. Сочиненіе это издано было въ Прагѣ, въ 1616 году, съ титуломъ: Grammaticae facillioris praeccepta.

мѣстныхъ жителей ¹⁾). Это время было единственнымъ свѣтлымъ и спокойнымъ періодомъ его жизни, когда онъ, любимый и уважаемый, всѣми жилъ тихою домашнею жизнью. Счастье было впрочемъ не долго. Несчастная Вѣлгорская битва (1620 г.), рѣшившая участь Моравіи, отозвалась на всемъ краѣ. Потерявъ въ испанскомъ погромѣ Фульнека (1621 г.) нѣжно любимую жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, лишившись состоянія, Амосъ утратилъ и всѣ свои рукописи, плодъ долгихъ работъ и практическихъ занятій. Это горе было началомъ его несчастій, съ этихъ поръ Амосъ уже не имѣлъ покоя.

Пріютившись у мецената того времени и защитника „Моравскихъ братьевъ“, Карла Жеротинскаго, Амосъ, подъ вліяніемъ испытаннаго потрясенія, написалъ извѣстную и донныѣ любимую въ Чехіи книгу „Лабиринтъ свѣта и рай сердца“, гдѣ искалъ утѣшенія въ своемъ горѣ ²⁾. Но не прошло и года, какъ новыя преслѣдованія разогнали пріютившихся бѣглецовъ; тѣснимые и преслѣдуемые отовсюду „братья“, въ числѣ ихъ Амосъ, разбрелись по лѣсамъ, скаламъ и пещерамъ страны, находясь въ постоянномъ страхѣ заплатить головою (что было со многими) за свою вѣрность ³⁾. Но и среди этихъ невзгодъ

¹⁾ Палацкій, «Жизнь А. Коменскаго».

²⁾ Палацкій дѣлаетъ самый лестный отзывъ объ этой книгѣ, служащей и теперь настоящимъ народнымъ чтеніемъ въ Чехіи. Содержаніемъ ея служитъ аллегорическое изображеніе жизни, ея тревогъ и заблужденій и указаніе истиннаго счастья въ религіозности. Рѣчь образная, проникнутая горькимъ чувствомъ, и картинная. «Каждому любителю чешской литературы извѣстно, замѣчаетъ Палацкій, что до сихъ поръ на чешскомъ языкѣ нѣтъ сочиненія, написаннаго прозой, по красотѣ и увлекательности выше «Лабиринта». Книга эта вышла 6 изданій. (См. Цыпина, Обзоръ исторіи слав. литературъ. Спб. 1866 г.). Въ этому же періоду жизни Коменскаго относятся труды: *Pauperum progressum Sclavos in coelum* (1617); «Имя Господне—кряжкое приближеніе» (1622) и «Глубина безпечности» (1625); послѣднее сочиненіе, по отзыву Палацкаго, очень напоминаетъ «Лабиринтъ».

³⁾ Къ этому времени относится несчастное знакомство Амоса съ извѣстнымъ въ то время пророкомъ, кожевникомъ Коттеромъ, принесшимъ ему въ послѣдствіи много огорченій. Глубоко-религіозный, доверчивый и простой Амосъ легко поддавался вліянію всякаго вдохновенія и отъ души вѣрилъ въ истинность чудесныхъ видѣній и соверченій. Впрочемъ не одинъ Амосъ увлекался этимъ, это увлеченіе было въ духѣ времени; такъ сверхъестественность видѣній Коттера была утверждена цѣлою коллегіей, разсматривавшею ихъ по предложенію Вранденбургскаго князя. Самыя гоненія, постоянный страхъ и опасности, преслѣдованія Коменскаго, все это увеличивало напряженіе религіозности, побуждало его обращаться къ тайнамъ Промысла и видѣть во всемъ грозный перстъ Божій. Мы исполнѣ раздѣляемъ взглядъ Палацкаго на «Lux in tenebris», послужившее основаніемъ для несправедливыхъ и грубыхъ обвиненій Амоса: это была

Амосъ не отчаявался, не падалъ духомъ, надѣясь еще увидѣть родину и послужить ей. Найдя привѣтъ у пана Садовскаго, у Исполитовыхъ горъ въ Богеміи, онъ руководилъ воспитаніемъ дѣтей этого покровителя гонимыхъ и снова принялся за педагогическіе труды.

„Настъ было нѣскольکو священниковъ,—пишетъ Амосъ,—укрытавшихся въ горахъ, неподалеку отъ Эльбскихъ истоковъ, у пана Садовскаго. Однажды лѣтомъ мы отпрашились въ близъ лежащій замокъ Волчицъ, для обозрѣнія известной библіотеки Сильваровъ, гдѣ попалась намъ только-что полученная изъ Германіи дидактика Иліи Водины; прочитавъ ее, мы сильно задумались о сочиненіи подобной книги и на нашемъ родномъ языкѣ; узнавъ это, другіе братья стали очень одобрять наше намѣреніе и желать исполненія его“. Но и этимъ планамъ не суждено было осуществиться. „Въ то же время, продолжаетъ Амосъ, были разсланы новые императорскіе декреты ко всѣмъ чешскимъ сословіямъ, что если кто не хочетъ присоединиться къ господствующей религіи, пусть, въ известный срокъ, удалится изъ страны“. Между Славянами нѣтъ ренегатовъ: гонимые стали готовиться къ переселенію. 30.000 семействъ, въ числѣ ихъ 500 благородныхъ фамилій, покинули страну. „Мы сожалѣли,—продолжаетъ Амосъ,—видя такое гоненіе на нашу церковь, и на школы наши, совершавшееся на глазахъ нашихъ. Къ чему повело бы сопротивленіе? Надежда же, что вѣкогда милосердіе Божіе опять воротится къ намъ, побуждало насъ къ большому старанію объ исправленіи въ будущемъ того, что пострадало отъ притѣсненій“. Возрожденіе родины Амосъ видѣлъ въ школѣ. Но мы уже видѣли, что зимой 1628 г. и Амосъ долженъ былъ окончательно и навсегда покинуть родину.

8-го февраля колонія эмигрантовъ прибыла въ Польшу и нашла себѣ пріютъ въ Лешнѣ, лежащемъ неподалеку отъ Силезской границы. Съ этихъ поръ Амосъ уже не возвращался на родину. Здѣсь-то, на чужбинѣ, началась та дѣятельность Амоса, которая увѣковѣчила его имя въ потомствѣ. Сдѣлавшись учителемъ и ректоромъ Лешенской гимназіи, онъ вполне отдался занятію „дидактикой“, которая, въ смыслѣ Коменскаго, обнимала собою не одно обученіе, но всю „науку о наилучшемъ воспитаніи юности“. Не ограничиваясь личнымъ опытомъ, Амосъ вступилъ въ переписку съ *Ратисомъ*, который однако же „ни въ чемъ не захотѣлъ помочь Коменскому“¹⁾, съ І. Ан-

ошибка, но ошибка чловѣка честнаго, искренняго, простодушнаго, и ни въ какомъ случаѣ не обманщика, не лжеца.

¹⁾ *Илацкій*, «Жизнь А. Коменскаго».

дреасомъ Виртембергскимъ и другими современными педагогами. Ничего черезъ это не добившись, Амосъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости работать самому, чтобы выработать что-нибудь основательное и полезное. Плодомъ самостоятельныхъ трудовъ ¹⁾ Коменскаго явилась въ 1628 г., его „Великая дидактика“, которая была написана сперва на родномъ чешскомъ языкѣ, а затѣмъ, по общему обычаю того времени, переведена и на латинскій, такъ какъ безъ этого книга не могла бы найти себѣ читателей. Трудъ этотъ положилъ прочное основаніе славѣ Коменскаго, и навсегда останется великимъ памятникомъ глубокаго и вѣрнаго пониманія имъ основныхъ началъ педагогиче²⁾; въ дополненіе къ нему тогда же явились „Материнская“ и „Простонародная школа“ ³⁾. Новый трудъ его „Отверстая дверь языковъ“, вышедшій также въ Лешнѣ ⁴⁾, сдѣлалъ имя Амоса славнымъ не только по всей Европѣ, но и на востокѣ. Успѣхъ этой книги былъ такъ громаденъ, требованія на нее были такъ велики, что „по отзыву Палацкаго, кромѣ Библии, неизвѣстно до сихъ поръ ни одной книги, которая бы разошлась въ такомъ количествѣ экземпляровъ, выдержала столько новыхъ изданій, такъ читалась и изучалась“. Во всѣхъ земляхъ Европы, по словамъ Ад. Тассія; Гейдельбергскаго профессора математики, съ энтузіазмомъ занимались новою, лучшею методой Коменскаго ⁵⁾.

¹⁾ Что Амосъ самъ вполне сознавалъ важность и оригинальность своего труда, на это можно найти доказательства въ самой его «дидактикѣ». (См. Opp. did., Did. magna, cap. XII, 2 — 8).

²⁾ Характеристику своихъ задачъ и отношенія къ дѣлу Амосъ самъ высказываетъ во введеніи къ своему труду: Factum est, ut ego Didactica mea primis a fundamentis retexere, omnibus, nostris et alienis, ampliora et firmitiora constituere tentarim; donec et praesidentia quadam molimen hoc toto genere novum «Didacticam magnam, sive omnes omnia docendi artificium» appellare subiret animus. Opp. did. Praefatio. Великою Амосъ назвалъ свою дидактику въ отличіе отъ *Новой дидактики*, написанной Ратихомъ.

³⁾ Schola materni gremii, sive de provida juventutis primo sexennio educatione, написанная также сначала по чешски, затѣмъ переведенная на нѣмецкій, польскій и латинскій языки. Scholae vernaculae delineatio, 6 трактатовъ по чешски, не были напечатаны. Оба онѣ явились въ одинъ годъ съ «Великою дидактикой».

⁴⁾ Въ 1629 году Janua linguarum reserata выдержала въ печати безчисленное множество изданій.

⁵⁾ Ad. Tassius писалъ объ этомъ Гартлибу въ Англию: «Fervet jam per omnes Europae angulos pansophicum et melioris Didacticae (Comenii) studium». Бэя (Bayle), французскій писатель прошлаго вѣка, писалъ о «Janua»: «Quand

Такой успѣхъ книги вовсе не былъ случайностію, онъ объясняется состояніемъ школьнаго дѣла той эпохи. Обученіе было изъ рукъ вонъ плохо. О воспитаніи въ школахъ никто не заботился и не было рѣчи. „Sapiens et eloquens pietas“, это была жалкая школьная мораль, состоявшая въ заучиваніи словъ, фразъ и сентенцій; чисто словесное образованіе, чтеніе латинскихъ авторовъ составляло исключительную задачу школы. Ни географіи, ни исторіи, ни отечественнаго языка въ школахъ не преподавалось; ученикамъ не показывали предметовъ, не давали вещей, они знали только слова и названія; большая часть изъ нихъ занималась извлеченіемъ изъ „авторовъ“ фразъ, сентенцій и мнѣній. Даже физика не преподавалась наглядно и съ опытами (*oculari demonstratione*): все объяснялось по книгѣ Аристотеля или другаго авторитета. Къ этому присоединялся методъ ученія „отвратительный, скучный и мрачный“. Естественно, что всякая умная и успѣшная попытка помочь столь печальному дѣлу должна была принятая съ восторгомъ. *Didactica Magna*, которая, по нашему мнѣнію, стоитъ безконечно выше „Раскрытой двери языковъ“, не произвела такого впечатлѣнія, понятно почему: злоба дня требовала не идей, а дѣла. „Дидактика“ же была такъ глубока и нова для современниковъ, полна такими оригинальными воззрѣніями, что для многихъ, свыкшихся съ вѣковой рутиной, она казалась утопіей, неосуществимою мечтой. Указаніе на это находимъ въ XII главѣ „Дидактики“, гдѣ высказавъ свои *desiderata* и задачи, Амосъ выражаетъ убѣжденіе, что этия обѣщанія никто не повѣритъ. „Замѣчено въ судьбѣ человѣка, говоритъ онъ, что пока не сдѣлано какое-либо открытіе, онъ не вѣритъ возможности изобрѣтенія; а потомъ, когда открытіе это сдѣлано, онъ удивляется, почему открытіе это не было сдѣлано раньше“¹⁾. Амосъ приводитъ множество примѣровъ такого порядка дѣлъ. Такъ случилось съ изобрѣтеніями великаго Архимеда: когда онъ обѣщавъ одною рукою привести къ морю Героновъ корабль, котораго не могли тронуть съ мѣста сотни людей, надъ нимъ смѣялись (*risu fuit exceptus*), считая такое предпріятіе невѣроятнымъ, а потомъ оно стало казаться слишкомъ легкимъ, чтобъ ему удивляться. Такъ случилось и съ открытіями великаго Колумба. Ни одинъ король не хотѣлъ вѣрить его

Comenius n'auroit publié que ce livre-là, il se serait immortalisé. (См. *Pädag. Enzyklopädie* v. K. *Schmid*, Art. Comenius. S. 823).

¹⁾ «Nota quippe est mortalium indoles, ut antequam inveniatur aliquid singulare, mirentur, quomodo inveniri possit: postquam vero inventum est, mirentur, quomodo non pridem inventum fuerit». *Opp. did.* II, pag. 53.

смѣлымъ мечтамъ и помочь ему сдѣлать опытъ. Спутники его угрожали ему смертію. Но онъ открылъ новый свѣтъ, и мы удивляемся теперь, какимъ образомъ онъ могъ такъ долго быть неизвѣстнымъ ¹⁾. То же случилось и съ изобрѣтеніемъ Іоганна Фауста, Бартольда Шварца и другихъ. „Легио предсказать, говорить онъ далѣе, что и наше изобрѣтеніе ждетъ та же участь, что мы уже отчасти испытали“. „Mirabitur scilicet et indignabitur nonnemo, esse homines, qui *scholis, libris, methodis* usu (usus tyrannus) receptis, imperfectionem ejicere et nescio quid insolitum et fidem superans, polliceri audent“ ²⁾. Дѣйствительно, и школы, и книги, и методы Коменскаго для своего времени были такъ новы, что онѣ казались чѣмъ-то несбыточнымъ и превышающимъ всякое вѣроятіе. Мы нарочно сдѣлали выписку этого мѣста, такъ какъ оно вѣрно характеризуетъ историческое положеніе Коменскаго въ педагогіи. По самобытности, глубинѣ основъ и новизнѣ взгляда, „Дидактика“ Амоса была недоступна для современниковъ, не была понятна имъ, а потому и не была достаточно оцѣнена; но за то практическая попытка осуществленія великихъ идей, не смотря на всѣ свои недостатки, была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. „Janua“ первоначально написана была, какъ учебникъ для одного изъ отдѣленій Лешенской школы, и самъ авторъ „Великой Дидактики“ не могъ не сознавать ся слабыхъ сторонъ, почему добродушно удивлялся всеобщему увлеченію и въ послѣдствіи издалъ для начинающихъ „Vestibulum“, а для взрослыхъ „Atrium ling.“, сдѣлавшія „Раскрытую дверь“ лишнею ³⁾. „Случилось, говоритъ Коменскій, чего я не воображалъ: это дѣтское сочиненьице (puerile istud opusculum) было принято учеными съ всеобщимъ одобреніемъ. Меня отъ души поздравляли съ новымъ изобрѣтеніемъ ученые различныхъ націй; моя книга была переведена на 12 европейскихъ языковъ — я самъ видѣлъ эти переводы, — именно на латинскій, греческій, чешскій, польскій, нѣмецкій, шведскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, итальянскій и венгерскій; а изъ азиатскихъ — на арабскій, турецкій, персидскій, даже монгольскій, который понимаетъ вся Остъ - Индія“ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. Indoles hominum circa nova inventa illustratur exemplis.

²⁾ Opp. did. II. 54.

³⁾ Vestibulum Januae latinitatis reverteratae, 1633. Въ послѣдствіи это сочиненіе вошло въ полное собраніе дидактическихъ трудовъ Коменскаго; Atrium linguae latinae издано позднѣе, въ 1648 году и также въ послѣдствіи вошло въ сборникъ педагог. соч. Коменскаго 1657 года.

⁴⁾ Ученый Petrus Golia писалъ своему брату, профессору восточныхъ языковъ въ Лейденѣ (1641 г.), что переводя самъ Janua ling. на арабскій языкъ,

„Januam linguarum reserataм, писалъ Амосъ, въ другомъ мѣстѣ, an. 1631 foras nisi, ad experiunda saltem interim (virorum eruditorum) iudicia: quae ultra spem benigna fuerunt. Libellus quippe ille non tantum in varias linguas transfundi, sed et in scholas tam dense recipi coepit, ut opus fuerit me et alios publice inclamare, rem tanto applausu dignam non esse“. Не одобряя чрезмѣрныхъ похвалъ книгѣ и воплиѣ сознавая ея недостатки, Амосъ подвергалъ ее исправленію ¹⁾, хотя исправленное изданіе не пошло въ ходъ, а распространялось только первое; такова прихоть судьбы. „Janua reserata“ замѣчательна, какъ первый для своего времени опытъ новой методы языковъ. До Коменскаго въ основу языкознанія полагалась грамматика и авторы; Амосъ предлагаетъ родъ энциклопедіи, гдѣ въ короткихъ предложеніяхъ говорится о всевозможныхъ предметахъ, такъ что ученикъ изучаетъ не только имена, но и вещи. Такимъ образомъ сущность реформы заключалась во введеніи новаго принципа *реального*, вмѣсто прежде господствовавшаго *формального*. Понятно, что не смотря на всю глубину и вѣрность своихъ воззрѣній, Коменскій не могъ воплиѣ удовлетворительно разрѣшить свою задачу практически: для этого наука и жизнь того времени еще не выработали средствъ.

Слава Коменскаго скоро вызвала цѣлую фалангу послѣдователей его въ Лондонѣ (Гартлибъ), въ Лейпцигѣ (Вехнеръ и Шнейдеръ), въ Веймарѣ (С. Эвеній), въ Гамбургѣ (Н. Доцемъ) и другихъ городахъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ велъ переписку. Такъ, по просьбѣ Гартлиба, Амосъ послалъ ему свои соображенія о новомъ педагогическомъ трудѣ, который долженъ былъ обнять собою всѣ человѣческія знанія и науки, что онъ называлъ *пансофіей* (пан, все и софія, мудрость). Гартлибъ, получивъ это разсужденіе, безъ вѣдома автора, который считалъ свой трудъ далеко не зрѣлымъ, напечаталъ его въ двухъ изданіяхъ ²⁾. Однако и этотъ трудъ былъ такъ новъ и оригинальнъ,

онъ внушалъ такую любовь къ этой книгѣ ученымъ магометанамъ, что тѣ сами принялись за переводъ ея на упомянутые восточные языки.

¹⁾ . . . Quod occasione dedit rude hoc (utpote primi tentaminis) opusculum melius eliminandi: et quidem eo usque, ut primam illam Januam, non amplius agnoscam meam, abolitamque velim, Opp. did. IV, 250.

²⁾ Первое изданіе вышло въ Оксфордѣ, въ 1637 г., подъ именемъ *Sonatum Comenianorum praeludia, porta sapientiae reserata*; а второе въ Лондонѣ, черезъ годъ послѣ перваго, подъ другимъ заглавіемъ: *Pansophiae prodromus*. Къ этому же времени относится не совсѣмъ удачная его попытка написать эссею въ библейскомъ духѣ. Сочиненіе это вышло въ Лейпцигѣ, подъ такимъ заглавіемъ: *Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis, philodidacticorum et theodidacticorum censurae exposita. 1633.*

налень, что на него обратили свое вниманіе уже не одни ученые, но и правительства, вслѣдствіе чего Коменскій получилъ приглашеніе принять на себя организацію общественнаго обученія въ Швеціи и Англіи. Выбравъ на этотъ разъ Англію, Амосъ явился въ Лондонъ въ сентябрѣ 1641 года, полный проектовъ и предположеній объ устройствѣ коллегіи для осуществленія своихъ пансофическихъ идей. Онъ хотѣлъ устроить Schola scholarum или Collegium didacticum ¹⁾). Но злая судьба преслѣдовала планы Коменскаго. Пробывъ зиму почти безъ дѣла въ Лондонѣ, вслѣдствіе распущенія парламента, онъ надѣялся и ждалъ. Между тѣмъ возмущеніе въ Ирландіи, вызвавшее кровавую междоусобную войну, ссора Карла I съ парламентомъ, внутреннее нестроеніе страны сдѣлали надежды Коменскаго неосуществимыми. Получивъ въ это время новое приглашеніе изъ Швеціи, Амосъ покинулъ Англію и въ 1642 г. явился къ гостепріимному и просвѣщенному Людовіку де-Гееру въ Нортконтингъ ²⁾). Въ Стокгольмѣ онъ представился государственному канцлеру, знаменитому Оксеншерну и не менѣе славному канцлеру Упсальской академіи Іог. Скитѣ. Въ бесѣдѣ съ „сѣвернымъ орломъ“ Амосъ высказалъ столько ума, знаній и таланта, что Оксеншернъ выразилъ ему полное свое довѣріе и одобреніе. Вообще понимая всю важность народнаго просвѣщенія, Оксеншернъ давно уже искалъ средствъ поправить печальное положеніе обученія и школъ въ Швеціи. „Услыхавъ о Ратихѣ, говоритъ онъ“, я не зналъ покоя, пока съ нимъ не сошелся; онъ же, вмѣсто разговора, далъ мнѣ прочесть свое большое сочиненіе in quarto, которое не удовлетворяло любознательнаго канцлера, такъ какъ „не дурно раскрывая недостатки школъ, Ратихъ не умѣлъ указать достаточныхъ средствъ для исправленія ихъ“. Признавая всю основательность идей Коменскаго, онъ просилъ его продолжать труды свои и выражалъ полное сочувствіе его пансофическимъ планамъ. По-

¹⁾ Цѣль этой школы, по идеѣ Коменскаго, соединеніе всѣхъ учебныхъ силъ для новыхъ открытій и усовершенія знаній. Такимъ образомъ Коменскій высказалъ идею академіи наукъ прежде, чѣмъ было основано первое учрежденіе въ этомъ родѣ,—королевское общество въ Лондонѣ.

²⁾ Гееръ, дворянинъ изъ Нидерландовъ, обладавшій громадными богатствами, извѣстенъ былъ своею «неслыханною добротой и благородною щедростію». Вызывая Амоса, Гееръ читалъ въ немъ полезнаго и великаго мужа и до конца жизни заботливо охранялъ славнаго труженика. Амосъ сохранилъ живую признательность и благодарность къ этому семейству, и въ его подлиннѣхъ изданіяхъ дидактическихъ сочиненій (1657) мы находимъ даже родословныя замѣтки объ этомъ домѣ.

селившись въ Эльбингѣ, Амосъ вполне отдался дорогому дѣлу, наблюдая за ходомъ школъ, составляя руководства и развивая свои заветныя идеи. Всемирная слава Амоса не уничтожила его врожденной скромности и недоверія къ своимъ трудамъ. По предложенію Геера, въ 1646 году онъ представилъ свои сочиненія въ Швецію, на судъ особо избранной комиссіи, и не смотря на то, что получилъ полное ея одобреніе, онъ продолжалъ исправлять свои работы, и только въ 1648 году рѣшился издать ихъ въ свѣтъ¹⁾, въ томъ числѣ и „Новый методъ языковъ“, философскій трактатъ, чтеніе котораго и теперь еще имѣетъ интересъ для лингвистовъ. Въ этомъ трудѣ выразилось стремленіе Коменскаго, тогда новое и необыкновенное, не ограничиваясь исключительно латынью, обратиться къ обработкѣ роднаго языка и на немъ основать истинное просвѣщеніе народа. Последнія свои изданія Амосъ печаталъ уже въ Лешнѣ, куда онъ былъ вызванъ братскою общиной, провозгласившею его своимъ духовнымъ главой и епископомъ.

Между тѣмъ педагогическіе труды Коменскаго стали прививаться: во всей Европѣ начали возникать школы по его идеямъ, и многія изъ правительствъ присылали къ нему учителей для ознакомленія съ ходомъ учебнаго дѣла подъ его руководствомъ²⁾. Усердныя просьбы венгерскаго князя Ракочи, желавшаго реорганизовать школы подъ руководствомъ Амоса, склонили его переселиться въ Венгрію, гдѣ онъ встрѣтилъ достойнаго сотрудника въ лицѣ Ивана Толная, просвѣщеннаго ректора реформатскихъ школъ въ Потокѣ, и покровителя—въ лицѣ щедрого Сигизмунда. Пережѣстившись въ Шаримскій Потокъ, Коменскій весь отдался своему дѣлу, заводилъ школы, устрои-

¹⁾ Къ этой эпохѣ относятся появленіе шести извѣстныхъ сочиненій Коменскаго: 1) *Methodus linguarum novissima, fundamentis didacticis solide superstructa*; 2) *Vestibulum latinae linguae, rerum et linguarum fundamenta exhibens*; 3) *Janua linguarum*; 4) *Lexicon januale Latino-Germanicum*; 5) *Grammatica latino-vernacula*; 6) *Atrium linguae latinae, rerum et linguarum ornamenta exhibens*. Большая часть этихъ трудовъ вошла въ послѣдствіи въ полное изданіе дидактическихъ сочиненій Коменскаго 1657 года. Фр. Палацкій, говоря о «Новомъ методѣ», признаетъ его капитальнымъ трудомъ даже для нашего времени и выражаетъ сожалѣніе, что этотъ трактатъ, благодаря рѣдкости сочиненій Коменскаго, такъ мало извѣстенъ современнымъ ученымъ. Особеннаго вниманія, по его отзыву, заслуживаетъ методъ всеобщей грамматики Коменскаго, предложенный имъ въ «прибавленіяхъ».

²⁾ Такъ была основана въ духъ Коменскаго гимназія въ Сираковѣ, въ Польшѣ, и ректоръ ея слушалъ уроки у Коменскаго. Гимназія эта впрочемъ скоро пала жертвою войны съ Шведами, въ 1655 году.

валъ бібліотеку, а также естественный и техническій кабинеты, и даже завелъ типографію, которая печатала нужныя пособія для школъ ¹⁾. Полагалась основа для устройства пансофическихъ школъ. Уже въ началѣ 1651 года явились два первыхъ отдѣленія, третье — въ слѣдующемъ году, а всѣхъ предполагалось устроить *семь классовъ* ²⁾.

Велики были надежды, но онѣ скоро рушились. Учительскихъ силъ не было, Коменскому приходилось бороться съ закоренѣлыми предрассудками, съ небрежностію наставниковъ, съ лѣнью учениковъ, съ недоброуміемъ общества. Сигизмундъ умеръ, и дѣло остановилось на учрежденіи первыхъ трехъ классовъ. Амось не унывалъ, но ему тяжело жилось, и только желаніе сдѣлать что можно и просьбы правительства удержали его при начатомъ дѣлѣ. Употребляя всѣ мѣры для пробужденія любви къ наукѣ и литературѣ въ обществѣ, Коменскій писалъ популярныя сочиненія, и между прочимъ, къ этому времени относится появленіе его двухъ трудовъ: „Schola ludus“ и знаменитаго „Obris pictus“. Schola ludus ³⁾, вошедшая и въ полное собраніе его дидактическихъ сочиненій 1657 года, представляла обученіе въ видѣ *драматической игры*, гдѣ предъ слушателями излагались, въ разговорной формѣ, всѣ основныя науки, какъ теоретическія, такъ и практическія. Цѣль этихъ драматическихъ представленій—пріучить мальчиковъ къ разговорной рѣчи, къ свободному, всестороннему изслѣдованію предметовъ знанія. Амось отвергаетъ „грязныя піесы древнихъ“ и составляетъ свои школьныя драмы, для каж-

¹⁾ Кроме учебниковъ, Коменскій издалъ здѣсь не мало и руководствъ для педагоговъ, каковы: Fortius redivivus, sive de pellenda Scholis ignavia. Потокъ. 1652. Præcepta morum, in usum juventutis collecta. Ibid. 1653. Leges Scholae bene ordinatæ. Ibid. 1653. Всѣ они помѣщены и въ общемъ собраніи педагог. сочин. Коменскаго 1657 г. Кроме того, здѣсь же напечатано было нѣсколько школьныхъ рѣчей: Primitiæ laborum scholasticorum in illustri Potakino gymnasio (de ingeniorum cultura et de libris). 1651. De reperta ad auctores latinos legendos et intelligendos via. 1651. Laborum scholasticorum in illustr. Potakino gymn. continuatio. 1652. И мн. др.

²⁾ Вотъ планъ устройства этой школы: первый классъ назывался vestibularis, II—janualis, III—atrialis; учебниками въ этихъ классахъ были: Vestibulum, Janua и Atrium. За atrialis слѣдуетъ IV классъ philosophica, V—logica, VI—politica, VII—theologica vel theosophica. Въ преподаваніе входило пѣніе, игры и гимнастика. См. Schola panæophica, h. e. universalis Sapientiæ officina, et caet., отдѣльно изданное въ 1651 году и затѣмъ помѣщенное въ Opera didactica omnia 1657 г.

³⁾ Schola ludus, seu Encyclopaedia viva, hæc est Janua linguarum praxiæ scenicæ. Потокъ. 1655 г.